
Алексей Б.
ВРЕМЕННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
18+

Алексей Бебутян

Временные ограничения. Книга 1

«Автор»
2026

Бебутян А.

Временные ограничения. Книга 1 / А. Бебутян — «Автор», 2026

Это книга не о конце света, а о том, как долго можно его не замечать.

© Бебутян А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. АНТОНИНА СЕРГЕЕВНА 5
Глава 2. КОСТЯ 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Алексей Бебутян
Временные ограничения. Книга 1

Глава 1. АНТОНИНА СЕРГЕЕВНА

ПЯТНИЦА, 28 АВГУСТА

Голубева из кардиологии привезли в четверть двенадцатого, хотя умер он в одиннадцать.

Антонина Сергеевна сверила время в истории болезни с часами над дверью. По правилам тело находится в отделении два часа: мало ли что. Но в кардиологии на ночь оставалась одна сестра на сорок коек, из приёмной уже поднимали следующего, и нужна была кровать.

Молодой медбрат Рустам, с серьгой в ухе, переложил Голубева на каталку и протянул бумаги.

— Тёть Тонь, там всё.

— Всё — это когда через два часа.

— Ну тёть Тонь.

Она расписалась. Рустам сказал «спасибо» тем голосом, каким говорят «извините», и укатил пустую кровать к лифту.

Морг занимал полуподвал отдельного корпуса за гаражами «скорой». Дежурила Антонина Сергеевна: за ночные платили полуторную ставку, а днём хватало Вадика. Холодильных камер было две, по шесть мест в каждой. Вторая не работала с восьмого августа. Заявка на ремонт висела в системе со статусом «в работе», и раз в неделю, сдав смену, Антонина Сергеевна звонила инженеру, который отвечал, что компрессор заказан.

Тел было семь. Шесть лежали в камере, одно на каталке в секционной, где круглые сутки гудел кондиционер. Голубев стал восьмым.

Она сделала с ним то же, что делала тридцать один год. Сняла с пальца обручалку и записала в опись: «кольцо жёлтого металла». Не «золотое»: пробу пусть определяют родственники. Привязала к большому пальцу правой ноги клеёнчатую бирку. Подвязала бинтом челюсть, чтобы рот не застыл открытым: родные потом всегда смотрят на рот. Сложила руки на груди и стянула запястья, иначе к утру они разъедутся. Голубев ещё не остыл и поддавался легко, как спящий.

— Ну вот, Аркадий Семёнович. Лежите.

С покойниками она разговаривала всегда. Это были самые приятные собеседники в её жизни: не перебивали, не жаловались на очередь и не требовали заведующего.

В комнате санитаров она записала Голубева в журнал. Фамилия, имя, отчество, семьдесят один год, кардиология. Смерть — 23:00. В графе «время поступления» честно вывела 23:15. Пятнадцать минут вместо положенных двух часов увидел бы любой проверяющий.

Никто не сравнит, она это знала.

Антонина Сергеевна доедала котлету из пластмассового контейнера, когда в секционной стукнуло.

Стук был негромкий, будто каталку задели ногой. Она дожевала. На её веку покойники при ней стучали, вздыхали, шевелили пальцами, а однажды так громко выпустили газы при студентах, что одна девочка ушла из медицины. Всё это была физиология, и растолковывать её практикантам Антонина Сергеевна любила.

Стукнуло снова, и дальше удары пошли ровно, по одному в секунду.

Она вытерла пальцы салфеткой и пошла смотреть.

Голубев сидел.

Простыня сползла ему на колени. Он сидел прямо, ни на что не опираясь, и раскачивался вперёд-назад. Каталка от этого ездила и стукала колесом о ножку стола. Связанные руки он держал перед собой. Подвязанная челюсть двигалась под бинтом, будто он что-то жевал.

Антонина Сергеевна знала, что так не бывает. И понимала почему. Через сорок минут после смерти мышцы ещё мягкие, окоченение начнётся часа через два, с лица, и пойдёт вниз. Сам мёртвый не сядет никогда. Значит, Голубев был не покойник.

Она взяла его за связанное запястье. Пульса не было. Рука уже остыла. Антонина Сергеевна наклонилась посмотреть зрачки, и тогда Голубев повернул к ней голову. Глаза у него были мутные, как у рыбы на рынке к вечеру. Он потянулся к её лицу, и коротко щёлкнули зубы.

Бинт держал. Антонина Сергеевна про себя его похвалила.

Она аккуратно уложила Голубева обратно, приобняв за плечи. Он не сопротивлялся, просто поднимался снова, медленно и упрямо, как человек, которому не дают встать после наркоза. Тогда она достала из шкафа новую пачку бинта и примотала его к каталке поперёк груди, пропустив бинт под рамой, а потом ещё раз — у колен.

— Лежите, Аркадий Семёнович. Вас ещё не описали.

У телефона она набрала две цифры внутреннего номера дежурного врача и положила трубку.

Если Голубев живой, значит, в кардиологии на живого человека выписали смерть. Отправили его вниз через пятнадцать минут вместо двух часов. А в морге его приняли, сняли кольцо, записали в журнал и связали. В четверг в больницу приезжала проверка. Кто будет виноват, Антонина Сергеевна тоже знала: тот, кто последний расписался.

Она набрала Плетнёва.

Заведующий был в Сочи, вторую неделю. В трубке играла музыка и кто-то смеялся.

— Тонечка, полночь, — сказал Плетнёв.

— Леонид Маркович, у меня покойник сел.

Музыка стала тише: он отошёл.

— Газы.

— Газы не садятся.

— Пульс?

— Нету. Холодный. И кусается.

— Он тебя укусил?

— Бинт не дал.

— Тонечка, — сказал Плетнёв ласково, как пьяный объясняет трезвому. — Покойники не кусаются. Если кусается, значит, живой. А живого в журнал морга записывать нельзя, это статья. Ты его записала?

— Записала.

Было слышно, как у Плетнёва за спиной шумит море.

— Значит, так. Дежурному не звони. И в кардиологию тоже. В понедельник выйду, разберёмся. В четверг проверка.

— А до понедельника?

— Пусть лежит. Ты ж его привязала?

— Да.

— Ну вот. Золото ты моё. Печать в столе, если что.

— Если что — что?

Но он уже говорил кому-то рядом: «Два мохито».

В секционной стучало. Антонина Сергеевна приподняла простыню на соседней каталке. Ершову, восьмидесяти четырёх лет, привезли из неврологии в десятом часу. Она лежала тихо, только под простынёй у неё шевелились пальцы на правой руке, перебирали ткань.

Антонина Сергеевна принесла ещё бинт и связала Ершову тоже. Пока та лежала, сделать это было проще.

Шестерых в камере она проверять не стала. Там было плюс четыре, и оттуда не доносилось ни звука.

В комнате санитаров она включила радио, чтобы не слушать стук. По «Ретро» пел Лещенко. Из секционной застучали чаще.

Антонина Сергеевна открыла тетрадь сдачи смены и написала: «Тел — 8. Без изменений». Подумала и ниже приписала: «Камера 2 не работает».

ПОНЕДЕЛЬНИК, 31 АВГУСТА

Плетнёв прилетел утренним рейсом и приехал в морг прямо из аэропорта, с чемоданом на колёсиках и загаром до воротника.

Антонина Сергеевна не уходила домой с пятницы. В субботу утром её должен был сменить Вадик. Он заглянул в секционную, вышел, позвонил в полицию и через полчаса сказал, что у него больничный. Наряд так и не приехал. Приезжал главврач, постоял в дверях, не переступая порога, и попросил до понедельника никому ничего не рассказывать. Сменщика у Антонины Сергеевны больше не было, и она осталась. Спала на кушетке в комнате санитаров. Еду ей приносила Галя из больничной столовой: ставила пакет на пол у входа и сразу уходила.

За выходные из отделений спустили ещё семерых. Каталки кончились в субботу к вечеру. Последних двоих Антонина Сергеевна положила в коридоре на клеёнку и привязала к трубе отопления.

Плетнёв перешагнул через ноги мужчины из урологии и открыл дверь секционной.

Внутри не осталось свободного места. На каждой каталке кто-то раскачивался под простынёй. Голубев приподнимал голову и опускал её, стукая затылком. Ершова перебирала пальцами простыню. Бинт держал везде.

Плетнёв посмотрел и закрыл дверь.

— А в камере? — спросил он.

— В камере тихо. Там плюс четыре.

— Вот, — сказал Плетнёв так, будто это доказывало его правоту. — Холод. Я тебе говорил: всё из-за камеры.

Он прошёл к себе в кабинет и позвонил главврачу. Антонина Сергеевна стояла в дверях и слышала только его половину разговора: «Видел. Нет. До четверга — нет. Я понимаю».

Положив трубку, Плетнёв открыл нижний ящик стола и достал коробку с бланками медицинских свидетельств о смерти. Все были под номерами, за каждый он отчитывался. Отсчитав двадцать штук Плетнёв начал расписываться в графе «врач». Делал это быстро, не глядя.

— Леонид Маркович, — сказала Антонина Сергеевна.

— Я на больничном, Тонечка. С сегодняшнего дня. Давление.

— Вы ж с моря.

— Там и поднялось.

Он расписался на последнем бланке, подровнял пачку о стол и протянул ей. Сверху положил печать.

— Пятнадцать тел без бумаг — это ЧП на всю область. С бумагами это просто морг. Родственники придут — выдашь. Причину и время смерти перепишешь из истории болезни, там всё есть. Печать ставишь, когда выдаёшь, не раньше.

— А если он не лежит?

Плетнёв посмотрел на неё устало, как на практикантку.

— Человек умер в кардиологии. Это записано, врач расписался. Что он делает после, это уже не медицина.

Он взял чемодан и ушёл. Чурчхелу, которую привёз в пакете, забыл на столе.

Печать Антонина Сергеевна положила в карман фартука, бланки — в свой шкафчик, под сменную обувь.

Потом открыла тетрадь сдачи смены и написала: «Тел — 15. Без изменений». Подумала и ниже приписала: «Заведующий на больничном».

ЧЕТВЕРГ, 3 СЕНТЯБРЯ

Комиссия приехала, как и планировали, в четверг.

Проверяющих было двое: женщина из областного министерства, Светлана Игоревна, в медицинской маске и синих бахилах, и молодой человек. Их сопровождал главврач. Он остановился на верхней ступеньке и дальше спускаться не стал.

В морге к четвергу было тридцать восемь тел. Каталок давно не хватало. Новых клали в коридоре на клеёнку и привязывали к трубе отопления, головами к стене. Из секционной стучали так, что звенело стекло в шкафу.

— Что это за стук? — спросила Светлана Игоревна.

— Кондиционер, — сказал главврач сверху. — Второй год меняем.

Светлана Игоревна прошла в комнату санитаров и села за стол. Секционную она смотреть не стала. Молодой человек положил перед собой бланк акта проверки и взял ручку.

Журнал она листала медленно, сверяя графы. На пятнице остановилась.

— Голубев, — прочитала она. — Смерть — двадцать три ноль-ноль. Поступление — двадцать три пятнадцать. Пятнадцать минут.

Антонина Сергеевна ничего не ответила. В пятницу она была уверена, что никто не сравнит.

— Нарушение порядка передачи тела, — продиктовала Светлана Игоревна, и молодой человек застучал по клавишам. — Камера номер два. Не работает с какого?

— С восьмого августа.

— Двадцать шесть дней. Заявка?

— В работе.

— Инженерной службе замечание. Свидетельства о смерти где хранятся?

Антонина Сергеевна показала на шкафчик. Светлана Игоревна открыла его, увидела бланки под сменной обувью и закрыла.

— А печать?

— В кармане.

Светлана Игоревна посмотрела на фартук.

— Печать хранится в сейфе, — сказала она. — Под ответственность заведующего.

— Заведующий на больничном.

— Тогда исполняющего обязанности. Кто исполняет обязанности?

Антонина Сергеевна подумала. Никто ей ничего не поручал. Но больше в морге никого не было.

— Я, — сказала она.

Светлана Игоревна кивнула, и молодой человек записал.

В акте проверки замечаний было семь. Антонина Сергеевна расписалась внизу: «Ознакомлена». Подумала и дописала должность: «Санитарка». Других должностей у неё не было.

Светлана Игоревна спросила, где можно вымыть руки. Антонина Сергеевна показала раковину в секционной. Светлана Игоревна посмотрела на дверь секционной и сказала, что у неё в машине есть салфетки.

Главврач всё это время стоял на верхней ступеньке. Когда проверка ушла, он спустился на одну ступеньку ниже.

— Антонина Сергеевна, — сказал он. — Вы уж тут. Пожалуйста.

И поднялся обратно.

Глава 2. КОСТЯ

Глава 2. КОСТЯ
СУББОТА, 29 АВГУСТА

В пять утра лифт третьего подъезда застрял между восьмым и девятым этажами. Костя узнал об этом в шесть, а приехал в половине восьмого, потому что по дороге был ещё вызов: в соседнем квартале подростки сожгли зажигалкой кнопки.

Диспетчер Оксана всю ночь отвечала с пульта одно и то же: «Ожидайте, мастер выехал». На два района по ночам работал один Костя, и норматив на освобождение людей — полчаса — Оксана выдерживала только на словах.

Этот лифт Костя знал. Пассажирский, на четыреста килограммов, отработал тридцать три года при нормативных двадцати пяти. За месяц у него трижды подгорали контакты, и каждый раз Костя писал в журнал: «Требуется замена этажного переключателя». Деталь ждали из Москвы.

На девятом он открыл двери шахты треугольным ключом. Кабина стояла ниже, крышей на уровне колен.

— Есть кто? — спросил Костя, хотя Оксана сказала, что есть.

— Есть, — ответил снизу женский голос. — Вы извините, что так рано.

Костя посветил фонарём. В кабине стояли двое. Женщина лет семидесяти в халате и уличных туфлях прижималась к стенке с кнопками. Мужчина стоял в другом углу, лицом в стену, и покачивался, как пьяный в автобусе.

— Вам плохо? — спросил Костя у мужчины.

— Ему не плохо уже, — сказала женщина. — В четыре у него сердце прихватило. Я «скорую» вызвала, а он говорит: на лифте быстрее спустимся, встретим. Вот и встретили.

Левую руку она прижимала к груди. Кисть была замотана носовым платком.

— Он вас укусил?

— Он без очков, — объяснила женщина. — Без очков он меня не узнаёт. Очки на трюмо остались.

Мужчина повернулся на свет. Костя увидел его лицо и понял, почему женщина прижимается к кнопкам. Двадцать лет в лифтах учат многому: Костя вынимал из кабин пьяных, рожениц, собак, однажды вынимал свадьбу. Мёртвых — дважды. Те лежали.

Этот шёл к свету, медленно, ощупывая перед собой воздух.

— Давайте руку, — сказал Костя женщине. — Здоровую. Быстро.

Она подала руку. Костя лёг животом на пол площадки и потянул. Женщина была лёгкая, но щель узкая, и халат зацепился за порог. Мужчина подошёл и взял её за щиколотку, нежно, двумя пальцами, как берут чашку.

— Коля, пусти, — сказала она ему тем голосом, каким, наверное, говорила лет сорок. — Коля, человек ждёт.

Коля не пустил. Костя упёрся коленом в косяк и выдернул женщину. Туфля соскочила и осталась у Коли.

Двери шахты Костя закрыл сразу. Изнутри по ним ударили, потом ещё. Удары были несильные и шли ровно, с одинаковыми промежутками.

Женщина сидела на полу площадки и держала укушенную руку на коленях.

— Его же выпустить надо, — сказала она. — Он там один.

— Лифт выведен из эксплуатации, — сказал Костя. — Я сейчас полицию вызову.

— А полицию зачем?

Костя не нашёлся, что ответить. Он позвонил в «112», назвал адрес, сказал, что в кабине лифта муж напал на жену. Оператор спросила, жив ли нападавший. Костя подумал и ответил: «Стоит».

Потом достал из сумки наряд-допуск и в графе «Выполненные работы» написал: «Пассажир эвакуирован. Лифт отключён до прибытия полиции». Как назвать того, кто остался в кабине, Костя не знал, и графы для этого в наряде не было.

Женщина поднялась, в одной туфле, и попросила Костю сходить с ней в квартиру за очками. Объяснила: когда Колю выпустят, очки ему понадобятся сразу.

СУББОТА, 29 АВГУСТА

Лейтенант полиции Ирина Кравец дежурила сутки через трое: принимала вызовы и рассылала по ним патрульные машины. Смену она сдавала в девять, и последние двадцать минут перед сдачей всегда уходили на то, чтобы журнал выглядел прилично.

Сутки спокойными не были. Ирина пролистала книгу учёта сообщений до вечера пятницы, и выписала на листок всё, где встречалось одно слово. Нападение с укусом, мужчина, восемьдесят один год, на соседку по лестничной площадке. Укус лица, сын на мать. Укус руки. Укус, укус, укус. Последний вызов поступил в 08:05 от лифтёра: в кабине лифта муж напал на жену, о состоянии нападавшего заявитель пояснил: «стоит».

Восемь за ночь. В обычные сутки укусов не бывало вовсе, в полнолуние случался один, и тот от собаки.

На всю часть был один дежурный наряд. Его Ирина отправила на вызов, где женщине прокусили лицо, и к лифту послать было некого. Лифтёру она велела не выпускать того, кто в кабине, до приезда полиции. Тот спросил, сколько ждать. Она ответила, что машина выехала, и это была неправда, которую Ирина говорила по многу раз за смену.

Без десяти девять пришёл Сурков, начальник отделения, с пакетом из пекарни.

— Ну что тут у нас, Ирина Викторовна?

Она протянула ему листок. Сурков прочитал, держа булку в другой руке.

— Жара, — сказал он. — Сорок градусов. Люди без кондиционеров звереют. В прошлом июле дед бабку вилкой пырнул за пульт от телевизора.

— Восемь укусов, Владимир Юрьевич.

— Это не укусы, это бытовуха. Укус — это когда собака.

Он взял ручку и в её сводке за сутки, в строчке «Нападения с укусом — 8 (восемь)», зачеркнул «нападения с укусом» и сверху написал: «бытовые конфликты». Цифру оставил.

— И ещё, — сказал Сурков. — Из больницы утром санитар морга вызвал наряд, а потом звонил главврач. У них ночная дежурная привязала покойников к каталкам, и теперь они там шевелятся. Главврач просит не регистрировать, у них в четверг проверка. Ты не оформляй, это их внутреннее.

— А если шевелятся?

— Тогда это к священнику, — сказал Сурков и засмеялся первым.

Ирина расписалась в сдаче смены. В девять двадцать, уже в машине, она позвонила мужу и велела не ездить в город без нужды. Он спросил почему. Объяснить она не смогла и сказала, что жара. Потом поехала домой длинной дорогой, мимо дома, откуда утром звонил лифтёр. Машины полиции у третьего подъезда не было. На лавке сидела женщина в халате, с забинтованной рукой, а в другой держала очки.

Ирина не остановилась. Её смена кончилась сорок минут назад.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 30 АВГУСТА

Женщина в халате сидела на площадке девятого этажа с утра. Снежана видела её, когда выносила мусор, когда возвращалась из магазина и когда выходила покурить на лестницу. Она сидела на табуретке у закрытых дверей лифта и разговаривала с ними. Говорила про очки,

про давление, про то, что Коля опять не выпил таблетки. Иногда за дверями лифта отвечали стуком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.